

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор

Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук

В. В. Полонский

«30» 08 2024 г.

Отзыв ведущей организации

- федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук», о диссертации Золотухина Вениамина Тимофеевича «Книга Евгения Баратынского “Сумерки” в жанровом контексте Золотого века», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Основная цель кандидатской диссертации В.Т. Золотухина отчетливо прочитывается в формулировке темы – исследовать жанровую поэтику стихотворений Евгения Баратынского, вошедших в его заключительную книгу «Сумерки» (М., 1842). **Актуальность** подобного подхода проясняется из обширной и со знанием дела написанной соискателем историографической главы, предшествующей исследованию. Проследив историю вопроса от прижизненных откликов до научных работ последних лет, В.Т. Золотухин приходит к неутешительному выводу: поэтика жанров лирики Баратынского мало интересовала критиков и литературоведов, жанровые дефиниции с той или иной глубиной проникновения в их суть применялись преимущественно к ранней поэзии Баратынского, причем речь шла в основном об элегиях или общем «элегическом тоне» (В.Г. Белинский) его стихотворений. Применительно же к поздней лирике, в том числе и к той, которая вошла в книгу «Сумерки», возобладал интерес к ее «философской проблематике», причем язык жанров уже практически не участвовал в ее характеристике. Исключения встречаются в работах последних лет, но они единичны и не решают проблему в целом. Решить ее и взялся автор диссертации.

Главную «вину» за такое небрежение к жанровой специфике стихотворений Баратынского он возлагает на историко-литературную концепцию, возобладавшую в литературоведении 1960-70-х гг. после известных работ Лидии Яковлевны Гинзбург. По ее мнению, с начала XIX века

целостная структура многих лирических жанров, восходящая к нормативному наследию классицизма, постепенно размывается, нивелируется, и «поэтика жанров сменяется, в сущности, поэтикой *устойчивых стилей*». Отдавая должное авторитетности и аргументированности этой концепции, соискатель, однако, полагает, что речь следует вести не об исчезновении жанрового мышления, а о подвижности и размытости его границ, о процессе жанровой диффузии или «жанровой полифонии» (термин М.Н. Виролайнен), не сводя его к анализу «устойчивых стилей».

Признавая в целом продуктивность этой полемики, все же заметим, что едва ли Лидию Гинзбург можно упрекнуть в игнорировании процессов жанрового мышления. Так, говоря о разрушении условного элегического словаря и о зарождении индивидуальных стилей с характерной для них предметной точностью словоупотребления, ученый подчеркивает: «...Борьба конкретного материала с “идеальной” его обработкой связана *не только с особенностями творческих индивидуальностей, а также со спецификой жанров*» (выделено курсивом мной – С.С.). И далее рассуждает о том, какая «степень предметности» свойственна разным лирическим жанрам. Не игнорирует Л. Гинзбург и кроссжанровые процессы. Так, по ее мнению, «в своих поздних монументальных элегиях Батюшков в какой-то мере использовал одическую традицию». «Устойчивый стиль» с его «словами-сигналами» для Л. Гинзбург – это именно осколок «устойчивого жанра», его важнейший опознавательный знак в эпоху, когда жанровые структуры утратили свои целостные черты, когда от них остались именно «осколки», отдельные компоненты, связующие тему с predetermined «*жанрово-стилистическим строем*» (курсив мой – С.С.). Уже сам этот термин свидетельствует о тесной спаянности в сознании ученого категорий жанра и стиля. По мнению Л. Гинзбург, «устойчивые стили», эти реликты нормативного мышления эпохи классицизма, были важны тем, что в поэтической практике Золотого века они часто нарушались, и на их фоне живее ощущались все «смысловые сдвиги» и стилистические смещения «высокого» и «низкого».

В. Золотухин, анализируя те же «осколки» различных жанров в поэзии Баратынского, сам нередко обращается к устойчивым «словам-сигналам», вызывающим ассоциации с определенным жанром. Главное отличие и – подчеркнем – **научная новизна** его исследования по сравнению с выводами предшественницы заключается в том, что он разработал *комплексную методологию жанрового анализа для лирики, созданной в эпоху так наз. неканонического жанрового мышления, и убедительно продемонстрировал эту методологию на материале позднего творчества Е. Баратынского. Эта методология имеет не только очевидное историко-литературное, но и важное теоретическое значение*, поскольку дает внятный (пусть и не всегда бесспорный) ответ на ключевой вопрос: как опознать жанр в его

неканонических трансформациях? Охарактеризуем важнейшие принципы данной методологии.

Во-первых, это значительное, по сравнению с предшественниками, расширение базы «опознавательных знаков» присутствия в стихотворениях «Сумерек» тех или иных жанровых структур. К таковым диссертант относит не только закрепленный за ними поэтический словарь, но и такие признаки, как стиховой размер, тип строфики (им справедливо уделяется значительное внимание), лирический сюжет, формы выражения лирического «я», топики и мотивы стихотворения. За каждым из них закреплена своя «память жанра», и каждый из них сам по себе не может считаться дифференцирующим признаком, но выполняет такую функцию только в совокупности с другими, и в таком качестве формирует «жанровую доминанту» текста, либо выступает в качестве равноправного «голоса» в хоре других жанровых «голосов» (и тогда возникает эффект «жанровой полифонии»). В основных положениях, выносимых на защиту, диссертант дает свою классификацию разных моделей взаимодействия жанровых структур внутри текста стихотворений «Сумерек», что тоже претендует на теоретическую новизну.

Во-вторых, это историзм подхода к материалу исследования. Так, при анализе семантики поэтического словаря следуют постоянные отсылки к «Словарю русского языка 18 века» и Национальному корпусу русского языка. В ходе реконструкции жанровой структуры текстов «Сумерек» во внимание принимаются в первую очередь те представления о лирических жанрах, которые были характерны для времени Баратынского. Поэтому широко привлекается материал различных «риторик» и «пиитик» или близких к ним по жанру статей конца XVIII - первой четверти XIX века (Г.Р. Державин, Н.Ф. Остолопов, А.Ф. Мерзляков, А.И. Галич, Н.И. Надеждин, С.С. Уваров, М.А. Яковлев и др.). Определяется место Баратынского в ряду этих представлений с опорой на его эпистолярные высказывания и оценки. Пожалуй, в этом разнообразном и полезном материале недостает только одной «пиитики», а именно той, по которой Баратынский обучался в Пажеском корпусе. Риторике пажам преподавал тогда только что прошедший заграничную стажировку профессор Никита Иванович Бутырский (1783-1849), впоследствии цензор стихотворений Баратынского, вошедших в его собрание 1835 г. (см.: Песков А.М. Летопись жизни и творчества Е.А. Баратынского, по именному указателю). В 1825 и 1829 гг. Бутырский выступал с публичными лекциями по российской словесности (см.: Уведомление о литературных чтениях профессора Бутырского. [СПб.], 1829). В его архиве (РГИА СПб., Ф. 14. Оп. 1. Д. 556) сохранился критический отзыв «О представлении книги “Опыт науки изящного”, начертанной нс. Галичем», 1825 г.). Полагаем, что анализ этих материалов мог бы внести новые штрихи в историческую картину эстетических и литературных предпочтений Баратынского, которую соискатель скрупулезно восстанавливает по другим архивным документам,

оказавшимся в его распоряжении. Это - сохранившийся в бумагах жены поэта план деления книги «Сумерек» на различные жанровые рубрики (или «роды» - на языке эпохи), а также похожий по структуре план организации посмертного собрания сочинений поэта, подробно прокомментированный в переписке его сына, Льва Баратынского.

В- третьих, важнейшим принципом комплексной методологии В. Золотухина является реконструкция широкого жанрового контекста эпохи, что заложено в формулировке темы диссертации. Понятно, что закрепленные за тем или иным жанровым признаком ассоциации (на языке эпохи они же - «чувствования») нуждаются в подкреплении целым рядом убедительных примеров, восходящих к опыту как поэтов XVIII века, так и поэтов-современников Баратынского. В. Золотухин демонстрирует незаурядную эрудицию, вписывая жанровую поэтику Баратынского в контекст как нормативной и постнормативной практики классицизма (В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, С.С. Бобров), так и жанровых экспериментов поэтов-романтиков первой четверти XIX века. Важно, что в последнем случае материалом сопоставления служит поэзия не только авторов первого ряда (В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин), но второго и даже третьего (А.А. Дельвиг, Д.В. Веневитинов, С.П. Шевырев, С.Е. Раич, А.Д. Илличевский и др.), что позволяет четче проследить соотношение центра и периферии в эволюции различных поэтических «родов».

Наконец, *в-четвертых*, «опознание» и анализ диалога различных жанровых структур внутри текстов «Сумерек», конечно, не является самоцелью для автора диссертации. Этот диалог он рассматривает как «важнейший механизм смыслообразования – отдельного стихотворения и книги стихов в целом» (дисс., с. 13). Жанр для него – это содержательная форма, уже в самой себе заключающая смысл и не требующая обязательного обращения к собственно философской риторике текста, чем часто «грешат» исследователи Баратынского. В таком понимании жанра диссертант явно наследует методологии ОПОЯЗа, и прежде всего – работ Ю. Тынянова. На выводы одной из них - «Ода как ораторский жанр» - он постоянно опирается в ходе исследования. Нам представляется, что во Введении следовало бы более основательно развернуть свое понимание жанра со ссылкой именно на методологию Тынянова (и ОПОЯЗа в целом), принимая во внимание не только вышеназванную статью, но и такие, как «Тютчев и Гейне» и особенно - «Вопрос о Тютчеве». Жаль, что последняя статья удостоилась в диссертации лишь поверхностного упоминания, а, между тем, в ней, на наш взгляд, содержатся установки, чрезвычайно близкие диссертанту. Это и решительная полемика с тенденцией видеть в Тютчеве исключительно «поэта мысли» «и, не смущаясь тем, что это стихи, попытаться разрушить их в общепонятную философскую прозу»; это и стремление утвердить основным носителем

смысла тютчевского стиха именно жанр, причем в сходную с Баратынским эпоху разложения старых, «монументальных» форм поэзии XVIII века и «нащупывания» на их основе нового жанрового синтеза; это, наконец, комплексная, близкая к методологии диссертанта, реставрация жанровых структур, образующих этот синтез. Логически напрашивается рекомендация включать в жанровый контекст «Сумерек» поэзию Тютчева шире, чем это сделано в диссертации (на стилистическую близость Тютчева как «поэта мысли» позднему Баратынскому указывала, в частности, И.Л. Альми).

Определив основополагающие принципы методологии диссертанта, кратко отреферируем **структуру диссертации** и выделим в ней те главы и параграфы, в которых эти принципы получили наиболее продуктивное, с точки зрения полученных результатов, применение. **Глава 1** (историографическая) уже была подробно охарактеризована в самом начале отзыва. В **главе 2** «Элегия как ораторский жанр» диссертант с опорой на методологию Ю. Тынянова убедительно раскрыл механизм трансформации монументальных форм поэзии XVIII века в поэзии Баратынского (в данном случае это торжественная ода) путем переподчинения их установкам жанра романтической элегии (речь идет о стихотворениях «На что вы дни!» и «Осень»). В актив соискателю следует записать и содержательный анализ жанра баллады в его неканонических трансформациях – параграф «Балладные контексты стихотворений «Ахилл» и «Приметы» (**глава 3**). Весьма эффективно работает методология В. Золотухина и с малоисследованным материалом антологической лирики Баратынского малых форм (**глава 3, параграф 4**: стихотворения «Ропот», «Всегда и в пурпуре и в злате...» и др.). Наглядно показано, как благодаря сохранению жанровой основы и использованию элементов иных форм (оды, стансов) поэт расширяет смысловой горизонт тех же апологов, эпиграмм, мадригалов и других форм салонной лирики. К профессионально выполненному анализу жанровой полифонии мы бы отнесли параграф, посвященный программному для «Сумерек» стихотворению «Последний Поэт» (**глава 4**). Наконец, заключительный параграф главы 4 диссертации содержит альтернативный (на фоне многочисленных попыток интерпретации другими учеными) ответ на вопрос о композиции книги «Сумерки» как художественного целого. Новизна подхода диссертанта к решению этой проблемы состоит в том, что смысловые отношения между стихотворениями он прочно связывает со спецификой их жанровой структуры.

Что касается **основных замечаний**, то они были изложены в ходе положительной в целом оценки концепции и методологии работы В.Т. Золотухина. Здесь остановимся на моментах интерпретации отдельных текстов, которые сподвигли нас на **дополнения и уточнения** некоторых положений и выводов соискателя.

1. Сам отказ диссертанта воспринимать Баратынского исключительно как «поэта мысли» и установка идти к «мысли» его поэзии «чувственным» путем – через многослойную и прихотливую сеть жанровых ассоциаций, – вступают в весьма противоречивые отношения с философской рефлексией творчества самого Баратынского. Мы имеем в виду лирическую миниатюру «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» (не позднее февраля 1840), вошедшую в «Сумерки». Соискатель, верный себе, ограничивается довольно краткой жанровой характеристикой этого текста (дисс., с. 162), особо не вдаваясь в его «философскую проблематику». Однако эта проблематика, как полагаем, имеет прямое отношение к концепции и методологии его работы. Если сфера «чувственного» ощущения «рода» так важна была Баратынскому, то почему в этом стихотворении данная сфера искусства («резец, орган, кисть») предстает как недостижимая для поэта гармония творчества, а сфера мысли как роковое и неизбежное проклятие его дара? Почему Баратынский в этом стихотворении, по справедливому заключению И. Альми, «остается философским поэтом и тогда, когда рисует мир “чувственных” искусств»? (цитируем по ее содержательной статье, вошедшей в сборник «О поэзии и прозе», СПб., 2002; в итоговой библиографии ее нет). Наконец, эта философская миниатюра заставляет еще раз поднять вопрос о соотношении в стиле Баратынского рационального, абстрактно-логического и образно-чувственного компонентов и задуматься над тем, как жанровое мышление, вбирая в себя эти компоненты, создает семантическую многослойность поэтической речи, без чего невозможен стих.

2. Следующее уточнение относится к элегии «Запустение». На наш взгляд, в жанровый контекст обновления этой элегии следует включить не только классические опыты Жуковского («Сельское кладбище», «Вечер», «Славянка»), но и более широкую сферу так наз. «усадебного текста» русской поэзии. Именно к этой традиции, на наш взгляд, относится образ «прекрасного места» (*locus amoenus*) в «Запустении» и все, связанные с ним, культурные коннотации, относящиеся к усадьбе. В последние десятилетия принято говорить и о жанрах «усадебной поэзии» (см., например, Т.М. Жаглова, 2006). К ним, в частности, относится жанр «рустической», то есть сельской элегии, впервые обоснованный Б.В. Томашевским. В традициях этого жанра Баратынский написал также элегию «Есть милая страна, есть угол на земле...» (не позднее 1834). В рамках этой же традиции можно было бы сопоставить «Запустение» (1834) с близкой по сюжету и поэтической топике элегией Пушкина «Вновь я посетил» (1835). Нам представляется, что включение «Запустения» в данный жанровый и культурный контекст могло бы расширить выводы диссертанта по обновлению элегии в поэзии позднего Баратынского.

3. Последнее уточнение относится к балладным опытам Баратынского «Ахилл» (не позднее 1841) и «Приметы» (не позднее 1839). В них, по мнению В. Золотухина, каноническая баллада «сжимается» до «философской

миниатюры», а причиной является кризис онтологии жанра, утрата веры в чудесное. В этой связи хотелось бы обратить внимание диссертанта на фантастическую (с ярко выраженной доминантой «готики») повесть Баратынского «Перстень» (конец ноября – начало декабря 1831) и указать на ряд мотивных переключек между балладами и повестью. Так, сюжетную линию ее главного героя Опальского можно рассматривать как желание «дерзкого философа» и «вольнодумного естествоиспытателя» подчинить себе стихийные силы природы, «пытать» ее «естество» «горнилом, весами» и «мерой» («Приметы»), что в конечном итоге приводит его к духовной катастрофе и помешательству. «Утрата веры в чудесное» отчетливо просматривается в сюжетной линии оппонентов Опальского, (Дубровин, Мария Петровна), окрашивающей его образ в комические и пародийные тона. Финал же свидетельствует о попытке героя (и, вероятно, стоящего за ним автора) преодолеть свой духовный кризис и опереться на «живую веру» новых дней (ср. с финалом «Ахилла») – и на сей раз эта попытка оценивается уже вне пародийного задания. В заключение напомним, что жанр фантастической повести в системе жанров отечественного романтизма был генетически и типологически тесно связан с жанром баллады, и есть основания полагать, что трансформация первого в творчестве Баратынского (см., например, об этом статью А.С. Бодровой) должна была отразиться и на судьбе второго.

Заключая раздел замечаний, дополнений и уточнений, отметим: анализ жанров в неканоническую эпоху их развития относится к самым сложным разделам исторической и теоретической поэтики. В конечном итоге все упирается в проблему корректности научной интерпретации, которая по определению не может не быть субъективной. К чести диссертанта следует отметить, что эта субъективность не заслонила собой аргументированность и продуманность как общей концепции работы, так и принципиальных выводов, полученных в ходе анализа самих текстов.

Наша экспертиза работы позволяет вынести следующее **итоговое заключение**. Итак, В.Т. Золотухиным было представлено самостоятельное диссертационное исследование, опирающееся на новаторскую концепцию историко-литературного процесса и тщательно разработанную теоретико-методологическую основу. Аргументированность выводов обеспечивается солидной источниковедческой (в том числе архивной) базой, широтой научного кругозора, безупречным владением основными методами анализа лирического текста, продуманностью композиции работы. Все поставленные соискателем цели и задачи успешно решены. Полученные результаты, несомненно, найдут **практическое применение** в вузовской практике преподавания русской литературы, при подготовке учебных пособий, а также при научном издании и комментировании сочинений Е.А. Баратынского и поэтов Золотого века. Диссертация В.Т. Золотухина прошла необходимую **апробацию**. Основные положения работы отражены в ряде выступлений

автора на международных и всероссийских научных конференциях, научно-исследовательских семинарах, а также в четырех статьях, три из которых опубликованы в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК. Автореферат и публикации автора полностью соответствуют содержанию и структуре диссертации и отражают ее основные положения.

Представленная к защите диссертация Вениамина Тимофеевича Золотухина «Книга Евгения Баратынского “Сумерки” в жанровом контексте Золотого века» является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и полностью отвечает критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с пунктами 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года, № 842, а ее автор без сомнения заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Отзыв подготовлен ведущим научным сотрудником Отдела русской классической литературы Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН», доктором филологических наук Сергеем Вениаминовичем Сапожковым.

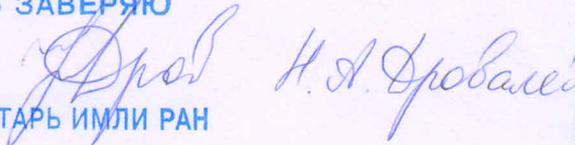
Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела русской классической литературы «30» августа 2024 г., протокол № 5.

Исп. обязанности Заведующей
Отделом русской классической литературы,
ученый секретарь Отдела,
старший научный сотрудник ИМЛИ РАН им. А.М. Горького,
кандидат филологических наук М.В. Черкашина.

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, 25А, стр. 1. Тел. +7 (495) 690-50-30
E-mail: info@imli.ru ИНН 7704067847 ОГРН 1037739214270

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН

В диссертационный совет 24.1.114.01, созданный на базе
ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4)

СВЕДЕНИЯ О ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Полное и сокращенное название ведущей организации	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук ИМЛИ РАН
Фамилия Имя Отчество Ученая степень, ученое звание руководителя ведущей организации	Полонский Вадим Владимирович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Адрес ведущей организации (полностью) Телефон e-mail Web-сайт	121069, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный округ Арбат, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1 (495) 690-50-30 info@imli.ru https://imli.ru/
Список основных публикаций работников ведущей организации по теме диссертации в рецензируемых научных изданиях за последние 5 лет (не более 15 публикаций)	Сапожков С.В. «Величие и падение короля Оттокара» Ф. Грильпарцера (1823) и «Борис Годунов» А.С. Пушкина (1825): конфликт в исторической драме эпохи романтизма // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2023. № 1 (78). С. 88–102 (в соавторстве с В. Г. Зусманом). Есипов В.М. «"Царь" или "князь". К истории публикации стихотворения "Анчар"» // Вопросы литературы, 2021, вып.1, С. 28-40. Есипов В.М. О языке Пушкина // Вопросы литературы, №3, 2019, С. 151-160. Ивинский А.Д. «Фелица» Г.Р. Державина, «Велизарий» Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины II // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2022. — Т. 81, № 1. — С. 74–81. Ивинский А.Д. «Всякая всячина», Третьяковская и «Фенелон» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 72–89. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // Studia Litterarum. — 2021. — Т. 6, № 2. — С. 358–385. Ивинский А.Д. О стихотворении М. Н. Муравьева «Живописец» (по материалам ОР РГБ и РО ИРЛИ) // Два века русской классики. — 2021. — Т. 3, № 2. — С. 168–185. Дмитриева Е. Е. Владимир Фидорович Одоевский: Судьба романтика и судьбы русского романтизма // Вестник Псковского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2022. № 13. С. 61-70.

Поэзия мысли: От романтизма к современности. К 220-летию Е. А. Боратынского. Коллективная монография. СПб.: Нестор-История, 2023.

Полонский В.В. Два века от Карамзина: Литература в диалогах с историей и межкультурных связях. – М.: ИМЛИ РАН, 2024.

Якушева Д.Д. Лингвостилистические средства формирования идиостиля Екатерины II в контексте эпохи // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 32–37.

Якушева Д.Д. Мифологические аспекты в «Маленьких трагедиях» А.С. Пушкина // Русская словесность. 2020. № 3. С. 38–45.

Магомедова Д.М. «А надо, чтобы шел Другой...»: Библейские цитаты и их источники в творчестве Александра Блока // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 6. Ч. 2. С. 204–212.

Дерюгина Л.В. «Также вы писали про одну новую Балладу...» // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С.63–86.

Дерюгина Л.В. «Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным» (к теме русского помещика у Гоголя) // Русская литература. 2022. № 4. С. 29–37.

Ведущая организация подтверждает, что соискатель не является ее сотрудником и не имеет научных работ по теме диссертации, подготовленных на базе ведущей организации или в соавторстве с ее сотрудниками.

д. филол. наук,
чл.-корр. РАН

/ В. В. Полонский

01.07.2024
М. П.

СВЕДЕНИЯ О ЛИЦЕ, УТВЕРЖДАЮЩЕМ ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Фамилия, имя, отчество	Полонский Вадим Владимирович
Ученая степень и отрасль науки, научные специальности, по которым им защищена диссертация	доктор филологических наук, 10.01.01
Наименование организации, являющееся основным местом работы, должность	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, директор

д. филол. наук,
чл.-корр. РАН

В. В. Полонский

/ В. В. Полонский